

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫТЬ

Лазарь Кармен

Поздно

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен Поздно

Угольщик Нашатырь – горький пьяница.

Он пьет водку не иначе, как разбавленную нашатырным спиртом.

Кем был раньше Нашатырь, знал один товарищ его Швабра.

Швабра был штивальщиком, [1] штивал пшеницу и в пьянстве не уступал товарищу.

Оба, пошабашив, отправлялись постоянно в «Испанию» или к «Соколихе» и пили вместе.

Охмелев, Нашатырь часто, хотя и урывками, посвящал его в свое прошлое.

Как узнал Швабра, Нашатырь был скульптором, женат на дворянке и имел дочь Нюту. На пятом году жена изменила ему, он разошелся с нею и с тех пор запил.

Воспоминания эти вызывали на глазах у Нашатыря слезы, и он рыдал, жадно истребляя при этом ужасную смесь нашатыря и водки.

Швабра в таких случаях не оставлял своего товарища и вместе с ним отправлялся в ночлежку.

– Вам пакет! – раз остановил Нашатыря надзиратель ночлежки.

– Мне?! Вот так штука! – удивился угольщик. – Девять лет не получал ни строчки и вдруг... на! Что скажешь, Швабра?!

Швабра пожал плечами.

Пока приятели недоумевали, надзиратель достал небольшой пакет и прочитал вслух адрес.

– Карантинному рабочему Алексею Степановичу – ову в Приморский приют, по Ланжероновскому спуску. Вам?! Так?!

– Так! – подтвердил Нашатырь и сказал Швабре: – Что ж, идем, вскроем!

Товарищи избрали самый отдаленный угол в палате, и Нашатырь, присев на матрац, стал вскрывать пакет трясущимися руками.

Пакет был вскрыт, и изнутри вылетела вместе с письмецом чья-то фотографическая карточка.

– Нюта, дочь моя, дочечка! – воскликнул Нашатырь и стал осыпать карточку частыми и безумными поцелуями.

Угольщик положительно с ума сходил. Он в одно и то же время плакал, смеялся и радовался.

– Дай, дай и мне посмотреть! – не утерпел

Швабра и почти вырвал у него из рук карточку. – У, да какая же она красавица!

Нюта действительно была красавица. Стройная, с круглыми, мечтательными глазами и пышными волосами по пояс.

– Боже, как она выросла! – между тем лепетал Нашатырь. – Стой! А вот и надпись! «На добрую память, – прочитал он с дрожью в голосе, – дорогому и незабвенному моему папе от его маленькой Нюты».

Угольщик вскинул глаза на Швабру.

– Слышишь?! *Незабвенному!*... Как на памятнике! Точно я покойник какой!

– То-оч-но! – согласился Швабра.

– А ты думал – не покойник? – вдруг набросился на него Нашатырь. – Я что, по-твоему, человек?! Труп, покойник! И ты труп, все мы, дикари, – трупы и живем в порту, как в могиле...

– Ну, поехала!... Стара штука! Зна-а-ем! Ты вот лучше прочитай, что пишут.

Нашатырь только теперь вспомнил о письмеце – вчетверо сложенной розовой и душистой бумажке и стремительно развернул ее.

– «Милый папа! – прочитал он. – Ты, навер-

но, забыл свою Нюточку. Она теперь большая и шлет тебе свою карточку. Она прилежно учится и играет. Папа! Ты все еще сердишься? Мама три месяца была при смерти. Теперь, слава богу, она здорова, кланяется тебе и просит забыть „все“... Приезжай к нам в Киев на Светлые праздники...»

Дальше несчастный отец прочитал, как много трудов стоило ей и матери узнать о его местонахождении и как они постоянно молят за него бога.

Угольщик дочитал и спрятал свою лохматую голову на груди у товарища.

Он рыдал, вздрагивал всем телом, и, глядя на него, тихо заплакал добрый и честный товарищ.

Нашатырь наконец успокоился.

– Что, поедем? – спросил полушутливо Швабра.

Угольщик отрицательно качнул головой.

– Отчего же?

– Поздно, поздно! – прошептал печально Нашатырь.

Угольщик, однако, раздумал.

– Еду! – решительно заявил он на следую-

щий день Швабре и стал готовиться к отъезду. Он стал торговать у приютского сторожа пиджак и жилетку, а у сносчика одного – шапку.

– Вот, – говорил он Швабре, – поеду! Брошу пить, помирюсь с женой и поцелую Нюточку. А там... Смерть не за горами. Знаю! Жить нам недолго...

Швабра принимал в сборах Нашатыря деятельное участие.

Помогал ему штопать портки, уступил ему свою единственную сорочку, подарил горсть бычков (окурков), перочинный ножик, сам на свой счет купил ему жестяной чайник и осьмушку чаю.

Накануне же отъезда Швабра сходил вместе с Нашатырем на газовую и выпарил там основательно его одежду, сходил потом с ним в цирюльню и в баню.

По окончании сборов, чуть свет, оба приятеля находились уже по другой стороне таможни.

– Будешь идти по шпалам, – поучал товарища Швабра, – от станции до станции. Где можно, прицепись к поезду, к буферам или к

площадке. По дороге заверни в деревню и поработай на косовицах. Слышишь?!

– Да-да! – мотал головой Нашатырь, с трудом волоча свои слабые, отекающие ноги.

Яркое весеннее солнце поднялось высоко, когда они очутились у переезда, у рельсов за городом.

Мимо пролетали поезда, отдельно маневрировавшие паровозы и дрезины.

– Стоп!

Швабра сбросил котомку и протянул ее Нашатырю.

– На!... Теперь ступай! Помни же, по шпалам!

Только сторонись поездов, не то раздавят. Не забудь поклониться Нюте. Скажи ей – кланяется тебе Швабра... Что же ты?...

Нашатырь стоял перед ним с виновато опущенной головой, жалкий и бледный.

Ноги и руки у него тряслись и все тело судорожно передергивалось.

Он взглянул тусклыми глазами на Швабру, выронил из рук котомку и грузно опустился на камень.

– Что же ты?! – повторил свой вопрос рас-

терявшийся Швабра.

– Что?! Поздно, брат!

И Нашатырь закрыл свое изможденное лицо руками.

Швабра посмотрел на него и махнул рукой.

– Ворочаться, значит, будем?!

– Да, да, ворочаться, – хрипло взмолился Нашатырь. – Надо было сделать «это» давно, раньше, а теперь... поздно. Не дойду. Совсем слаб. Здесь неладно! – И он ткнул пальцем в грудь и в голову.

– Что ж, идем! – вздохнул Швабра.

И товарищи повернули в порт.

Медленно шел, прихрамывая, задыхаясь и еле поспевая за своим товарищем, угольщик.

Он шел обратно в свою берлогу, не оглядываясь.

А позади так мило улыбался простор, улыбались поля, нивы, пели, заливались, кружась в чистом и прозрачном воздухе, жаворонки.

Прощай навеки, родной дом, и ты – славная и хорошенькая Нюта!

Примечания

1

То же, что и полежалыщик. *(Прим. автора.)*

[^^^]